

Детективная история с открытым финалом

Известия, 2001, 12 мая, с. 11

Как вернуть в Россию архив Ивана Бунина

Только что в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Михаила Роцина «Иван Бунин». А в приложении к ней Дмитрием Черниговским (президентом Института «Зимний сад» и руководителем программы «Приношение Бунину») впервые опубликованы сенсационные документы — секретные материалы из архива Службы внешней разведки и Архива внешней политики РФ.

Наталья ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА

Из них вырастает детективная история о том, как вопреки многим усилиям советской стороны перевезти архив Бунина в Россию — при согласии на это вдовы писателя Веры Николаевны — он все-таки остался во Франции, в распоряжении Леонида Зурова, называвшего себя приемным сыном писателя (в 1929 году он «на-веки» поселился в семье Буниных, приехав из Прибалтики с кульком антоновских яблок, плетенкой клюквы и караваем черного хлеба). По завещанию Зурова парижский архив попал в Англию, где вот уже более тридцати лет хранится в университете города Лидса — недоступный для всех, без публикации описи!

Забавно, что все поныне живущие сотрудники советского посольства во Франции, приложившие в 50-е годы немало сил для того, чтобы архив вернулся на родину, до сегодняшнего дня были уверены, что их труды не пропали даром.

Из беседы с Владимиром ЕРОФЕЕВЫМ, бывшим советником посольства СССР во Франции с 1955 по 1959 год
— Владимир Иванович, как вы познакомились с Верой Николаевной Муромцевой-Буниной?

— В октябре 1955 года в посольство пришел старый русский эмигрант и попросил встречи с кем-нибудь из руководства. Я его принял, и он сказал: «Вам известно, что вдова Бунина, живущая в Париже, находится в очень тяжелом материальном положении и намерена продать архив? У нее уже есть контакты с американскими университетами, в частности с Колумбийским». Я решил пойти к вдове Бунина и на месте во всем разобраться.

Ее квартира была в хорошем старинном доме, находящемся в весьма аристократическом районе Парижа, в 16-м округе, на маленькой улочке, носящей имя Жака Оффенбаха. Квартира располагалась в бельэтаже. Наверное, вела роскошная мраморная лестница с дубовыми перилами. Я поднялся на второй этаж, позволив Открыла сама Вера Николаевна. Ей тогда было под 70 — седая, со следами былой красоты. Открыв дверь, она спросила сурово: «Что вам угодно?» Я сказал, что хотел бы с ней переговорить. Она поинтересовалась, кто я такой. Я назвалась. Тогда она еще более мрачно сказала мне: «Я рукописями Бунина не торгую». И начала закрывать дверь. «Вы извините, я ничего не пришел покупать». — «Ну а что вы тогда хотите?» — «Хотел сказать вам, что в России помнят и чтят великого русского писателя Бунина», — и в качестве подтверждения протянул ей только что вышедший в Москве сборник рассказов Ивана Алексеевича. Ее это, видимо, несколько смягчило: «Ну проходите». Она со всех сторон осмотрела бунинский сборничек, пропустила меня в комнату, а сама вышла на площадку и через перила лестницы заглянула вниз. Потом вернулась и говорит: «А вы что, один пришли? Я думала, что вы — советские — поодиночке не ходи-

те. Ваше счастье, что вы попали ко мне сегодня, потому что завтра, в четверг, здесь собирается руководство Центра русской эмиграции в Париже, и там далеко не все — дружественные вам люди». Я ответил, что это меня не касается. Она предложила мне пройти: там была довольно большая столовая, пустой длинный стол. Для знакомства поговорили о том о сем. Была приоткрыта дверь в кабинет Бунина, который она сохраняла как мемориальный.

Вера Николаевна смягчилась, заговорила о своих трудностях. Сказала, что Бунин всегда был русским патриотом и во

Почти семейная фотография: Иван Бунин, Галина Кузнецова, Вера Бунина, Леонид Зуров. 1932 год, Грасс

время войны на вилле в Грассе передвигал флажки, отмечавшие наступление Красной армии. Более того, Иван Алексеевич укрывал на чердаке двух красноармейцев, бежавших из немецкого плена. После войны у него даже были планы возвращения в Советский Союз. Он готовился к этому, вызывая гнев со стороны белой эмиграции. И, наверное, поехал бы. Но тут как раз произошел нелепый случай. В 1946 году в Париж приехал Константин Симонов. По-видимому, у него было, в частности, намерение развезть последние опасения Ивана Алексеевича относительно возвращения на родину. Бунин был рад ему, Симонов навез из России подарков — икры и всего остального. Они уединились в кабинете. Поначалу все было мирно. Потом Вера Николаевна услышала, что разговор пошел на повышенных тонах, возник спор. Ей удалось разобрать только фрагмент разговора. Симонов говорил Бунину: «Вот вы пишете слово «Бог» с большой буквы, а у нас это не принято». Бунин ему возмущенно отвечал: «Не знаю, как там у вас пишут, но меня так учили, я в это верю, и как писал, так и дальше буду писать». Расстались они недовольными друг другом. И Бунин после его ухода сказал Вере Николаевне: «Пока в России правят бал такие Симоновы, я туда не поеду!»

В общем, Вера Николаевна ко мне расположилась, мы стали с ней встречаться. И я, естественно, продолжал убеждать ее, что творческое наследие великого русского писателя Бунина должно быть в России. Она отвечала: «Да, конечно. Но я уже дала согласие американским университетам. И у меня готовы к отправке материалы». Но я попросил ее

В парижской квартире, на Жака Оффенбаха

шениях. У нее была идея, чтобы в Пушкинском доме в Ленинграде был отдел Бунина (а она приезжала бы в СССР и наблюдала за его работой). В 1956 году, когда дело постепенной передачи архива было налажено, я перестал им заниматься. К тому моменту намерение Веры Николаевны оставалось неизменным.

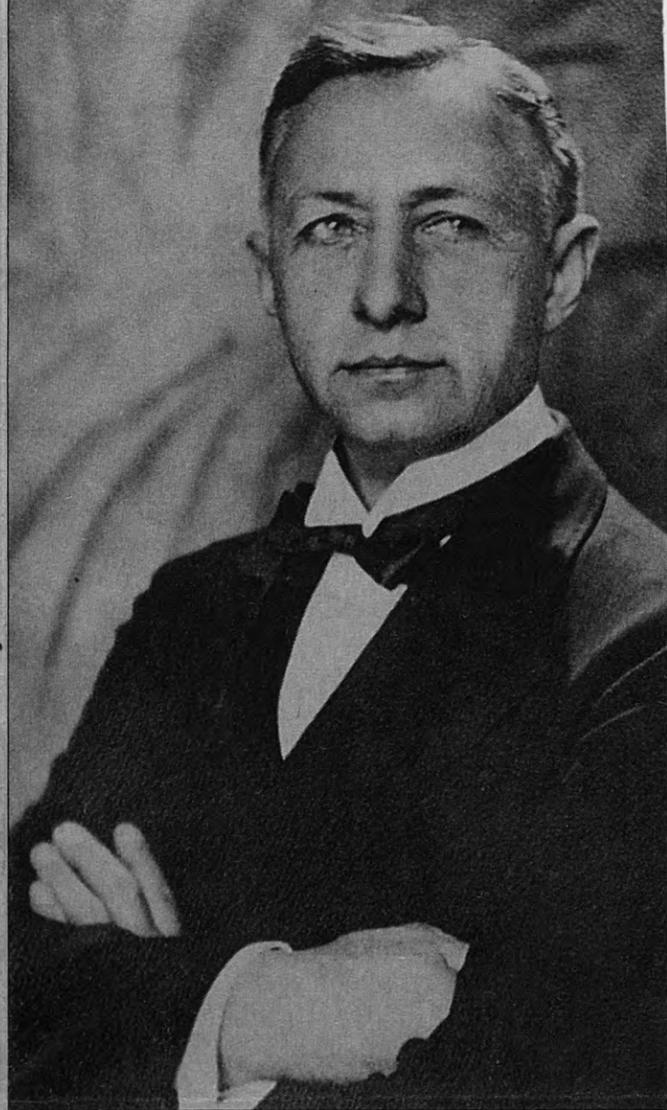
Комментарий к интервью

В августе 1993 года я брала интервью для «Литературной газеты» у Александра Кузьмича Бабореко — самого знающего биографа Бунина, переписывавшегося и с Верой Николаевной, и с Зуровым, и со многими другими. Автор книги «И.А. Бунин: материалы для биографии» готовил тогда восьмитомник писателя в «Московском рабочем», (который продолжает выходить до сих пор). Бабореко сказал в интервью, что в начале 50-х (естественно, до того, как закрутилась история с советским посольством) Бунин по просьбе Алданова переправил часть отобранных им лично материалов в Колумбийский университет — 53 папки с рукописями, рецензиями, переводы, русскую и зарубежную прессу. Становится понятным, почему Вера Николаевна вела переговоры именно с этим университетом — хотела, чтобы все хранилось в одном месте (ведь тогда о «переезде» архива в Россию речи не шло). В той же беседе Бабореко говорил о скором выходе в Париже книги не публиковавшихся ранее рассказов, стихов, статей Бунина из парижского архива, который попал в Лидский университет. «Я читал эти вещи, когда сотрудник архива привозил их мне для атрибуции». Александра Кузьмича уже нет в живых, и это омерзительная потеря для всех, кто занимается творчеством писателя.

Что касается Симонова, из-за встречи с которым Бунин решил не возвращаться на родину, то мне почему-то кажется, что таким образом он пытался уберечь писателя от «шаха в неизвестность» (кто знает, как обошлись бы с ним в сталинском СССР?).

Леонид Зуров

Из «Грасского дневника» Галины Кузнецовой (последней привязанности писателя) и особенно из воспоминаний близко наблюдавшего жизнь Буниных в Грассе Александра Бахраха видно, какие сложные отношения связывали Бунина с Леонидом Зуровым. Он упоминает о «непрестанных трениях» между ними, о «нескрываемой неприязни» писателя к якобы приемному сыну, которого в разговорах с женой он скептически называл «твой воспитанник». Бахрах говорит о

Бунин в 1928 году. Пора творческого расцвета

недостовренности некоторых писем Зурова, адресованных советским буниноведам: «Иные утверждения в этих письмах настолько мало соответствуют действительности, что кажутся не столько продиктованными фантазией, сколько измышленными с определенной целью». Вера Николаевна болезненно переживала стычки Бунина с Зуровым. Бунин объяснял привязанность своей бездетной супруги к раздражавшему его приживалу «неудовлетворенным материнством». «Мне придется дальше продолжать нести свой крест, но у меня нет выхода. Вы видите, что из-за этого переростка она стала худой как скелет, а куда ей...»

Из разговоров с Виктором Степановичем ВОЛОДИНЫМ, с 1957 по 1962 год первым секретарем посольства СССР и представителем ВОКС во Франции

— Зуров, несомненно, был шизофреником — одним он говорил одно, другим — другое. Он должен был помочь Вере Николаевне разобрать архив Бунина, но она чувствовала, что он не вполне честен — видела, как что-то из материалов исчезало. Она никогда при мне не говорила, что завещает все Зурову (я могу твердо ругаться за период до ноября 1960 года). Могли ли произойти какие-то перемены с того момента до апреля 61-го, когда она умерла? С трудом верится. Зуров был ловким человеком (она говорила мне, что не доверяет ему).

А было ли завещание?

Совсем недавно в разговоре по телефону близкая парижская приятельница Веры Николаевны, дочь писателя Бориса Зайцева Наталья Борисовна (кстати, она, как и многие другие знакомые Буниной, до сих пор не может поверить, что та получила от СССР пенсию), подтвердила, что Зуров был «малоприятным человеком». Ходили слухи даже о том, что он избивал Веру Николаевну (она то и дело появлялась в синяках), подавлял ее волю. Учитывая все это, можно предположить, что завещание ее было устным — ведь нотариально заверенной копии в наших архивах нет (а если оно и существовало на бумаге, то было составлено некорректно или под нажимом).

После смерти В.Н. Буниной Зуров не стал торопиться передать архив, начал темнить: сначала говорил, что не в состоянии оплатить долги Веры Николаевны и поэтому материалы могут пойти с молотка; потом — что передаст в Россию только мебель (разобрать архив, о чем его просила В.Н., ему

некогда); потом — что сначала нужно решить, на каких условиях он может передать архив.

А параллельно Зуров вел подпольные переговоры о его продаже. Сергей Александрович Крыжицкий, представлявший тогда Йельский университет, сказал нам в телефонном разговоре, что в 1966 году Зуров хотел продать ему парижский архив. Причем этого не произошло лишь из-за заминки с деньгами. По мнению Крыжицкого, Зуров был сумасшедшим; у него не было никаких прав на бунинское наследие.

В результате Зуров завещал архив Милице Эдуардовне Грин (хранится же он в Русском архиве Лидского университета). Когда Дмитрий Черниговский обратился к хранителю этого архива Ричарду Дэвису с просьбой показать завещание, то получил отказ. Дэвис утверждает: «Все издания Бунина в СССР и постсоветской России могут быть квалифицированы как пиратские, если не юридически (!), то по духу. С присоединением России к Бернской конвенции становится возможным юридически квалифицировать такие издания как пиратские, если российская сторона не получит соответствующего разрешения у британской стороны».

Не платим же мы за Гоголя и Герцена...

Ясно, что все это нелепо и вызывает целый пласт вопросов. Во-первых, почему Лидский архив не показывает завещание? Если бы все было чисто, им было бы только выгодно предьявить документ, по которому можно было бы качать деньги за издания русского писателя. Вполне вероятно, что Зуров получил архив (как и вещи) не по завещанию, а механически — как жилец бунинской квартиры. Во-вторых, если завещание существует, то каковы французские легальные процедуры для вывоза из страны такого рода материалы и были ли они соблюдены. В-третьих, был ли Зуров дееспособен для того, чтобы завещать архив Милице Грин. И наконец, на каких основаниях архив хранился не у Грин (при ее жизни), а в Лидсе.

Пока не будет решен вопрос с архивом, Бунин так и останется великим изгнанником России. Мы не имеем права спокойно дожидаться момента, когда за книги писателя (многие из которых вышли в СССР при его жизни, а некоторые основывались на материалах парижского архива, которые успела передать Вера Николаевна) мы будем платить англичанам. Не платим же мы итальянцам за произведения Гоголя, написанные в Италии, французам — за Тургенева, а англичанам — за Герцена.